

мать по ночам, не расспрашивают про кровь, не звонят в колокольчик при открытой двери, не побуждают ни с того ни с сего идти к квартальному.

При следующем свидании Порфирия с Раскольниковым вновь возникает вопрос, в бреду или в полной памяти тот «куролесил». Путая свою жертву, Порфирий пустился было утверждать, что это было в бреду: «Бред у вас! Это всё у вас просто в бреду одном делается!..»

На мгновение всё так и завертелось кругом Раскольникова (...)

— Это было не в бреду, это было наяву! — вскричал он, напрягая все силы своего рассудка проникнуть в игру Порфирия. — Наяву, наяву! Слышите ли?

— Да, понимаю и слышу-с! Вы и вчера говорили, что не в бреду, особенно даже напирали, что не в бреду! Всё, что вы можете сказать, понимаю-с! Э-эх! (...). Ведь вот будь вы действительно, на самом-то деле преступны (...), ну стали бы вы, помилуйте, напирать, что не в бреду вы всё это делали, а, напротив, в полной памяти? Да еще особенно напирать, с упорством таким, особенным, напирать, — ну (...). Могло ли быть это, помилуйте? (...) Ведь если б вы за собой что-либо чувствовали, так вам именно следовало бы напирать: что непременно, дескать, в бреду! Так ли? Ведь так?

Что-то лукавое послышалось в этом вопросе» (6, 266).

Аргумент в свою защиту, на который рассчитывал Раскольников и о котором Порфирий догадался (возможно, и из-за избыточного упорства, с каким Раскольников настаивал на противоположном), для следователя несерьезен, поскольку он двусмыслен. «Все эти психологические средства к защите, — разъясняет далее Порфирий, — отговорки да увертки, крайне несостоятельны, да и о двух концах: „Болезнь, дескать, бред, грезы, мерещилось, не помню“, всё это так-с, да зачем же, батюшка, в болезни-то да в бреду всё такие именно грезы мерещутся, а не прочие? Могли ведь быть и прочие-с? Так ли? Хе-хе-хе-хе!» (6, 268).

Для Порфирия состояние Раскольникова и не «совершеннейший бред», и не полный рассудок. В нем сказывается особая болезнь, которой в принципе подвержен любой убийца и которая выдает его с головой: «Да этак что же, батюшка? Этак можно и горячку нажать, когда уж этакie поползновения нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчики ходить звонить да про кровь расспрашивать! Эту ведь я психологию-то изучил всю на практике-с» (6, 266).

Подчеркнем, что когда (при втором допросе) речь идет о «бреде» или «полной памяти» Раскольникова в тот вечер, в который он «куролесил», то имеются в виду не полупризнание Заметову в трактире (6, 127—129, 195), не хлопоты вокруг раздавленного Мармеладова (6, 136—145), а именно и только посещение старухиной квартиры и «колокольчики». Так и в черновиках: «Ну сделает ли это человек (на квартиру пошел, если не в бреду, сам на себя).

„А что ж, в бреду-то и выдал себя“, — подумал Порфирий» (7, 194).

Вот почему, когда Порфирий напоминает Раскольникову: «Вы и вчера говорили, что не в бреду...» и т.д., он тоже имеет в виду «колокольчики». Отсюда язвительная ирония, с какой он встретил слова о «совершеннейшем бреде». Это еще одно свидетельство того, что уже тогда, при первом свидании с Раскольниковым (сцена знакомства), Порфирий о «колокольчиках» знал.

Но знать о них он мог, либо находясь среди других у ворот старухиного дома, либо выслушав донос «мещанина в халате». Так или иначе, осведомленность Порфирия на этот счет и послужила главным поводом к игре, которую он с преступником затеял, взяв на себя роль этого свидетеля.

Здесь важны все мотивы, указывающие на способность Порфирия к актерству: «...действительность и натура (...) ух как иногда самый прозорливейший расчет подсекают! Эй, послушайте старика, серьезно говорю, Родион Романович (говоря это, едва ли тридцатипятилетний Порфирий Петрович действительно как будто вдруг весь состарился: даже голос его изменился, и как-то весь он скрючился)...» (6, 263).